

Глава 17.1

Когда я добралась до особняка, был уже почти вечер. Я съела слишком много десертов и выпила напитков, поэтому не была голодна. Тем не менее, я должна была прийти, потому что обещала Сениэлю.

Перед этим я позвала дворецкого и приказала ему перевести 1000 золотых Ронану. Я добавила разумное оправдание, что он меня спас, когда на днях меня собирались ограбить на улице.

Дворецкий тут же выполнил приказ, не сказав ни слова. Видя, что он не удивился, услышав сумму в 1000 золотых, я подумала, что похоже, он решил, что эта сумма не такая уж и большая. Черт возьми, только содержание этого дома обошлось бы в 1000 золотых.

Я боялась, что Ронан может сказать что-нибудь о том, что я посылаю слишком много денег. Но мне всегда было интересно, каково это - играть с моими деньгами.

Идя в столовую, я заметила Сениэля, который выглядел более беспомощным, чем обычно.

"..."

Он так глубоко задумался, что даже не заметил, что я вошла. Увидев его потемневшее лицо, я тоже почувствовала себя неловко.

'Неужели развлечение с главной героиней сегодня было моим последним счастьем перед смертью?'

Я не беспокоилась о нем. Я не волновалась за себя.

Мрачная атмосфера, казалось, предсказывала мое будущее. Вздохнув, я стряхнула с себя беспокойство и поприветствовала его. "Добрый вечер. Работа в храме прошла успешно?"

Очнувшись от своих мыслей, Сениэль вздрогнул. Он слабо улыбнулся, с запозданием справившись со своим выражением лица.

"Да. Благодаря тебе ничего не случилось".

"Это хорошо."

Сениэль встал и с опозданием заинтересовался букетом в моей руке. Я легонько помахала букетом. Невинные лепестки желтой фрезии мягко покачивались.

"Сегодня я приготовила особый букет. Держите его в вазе".

Довольно большой букет в моей руке выглядел меньше в руке Сениэля.

"Ну что, будем есть?"

Атмосфера во время трапезы была спокойной, как обычно, но сегодня она была исключительно тихой. Сениэль все еще возился со своей едой.

'Он обычно не так ест?'

Обычно он ел столько, или он не ел из-за меня? Теперь мне стало немного любопытно.

"Сениэль".

"Да?"

Сениэль, чья голова была опущена вниз, наконец-то поднял голову. Его густые, длинные ресницы печально опустились на беспомощно распахнутые глаза.

"Ты должен..."

Сениэль терпеливо ждал моих слов. Но я замолчала и закрыла рот.

'Я не в том положении, чтобы беспокоиться о ком-то'.

Я не произнесла слова о том, что нужно много есть. Мне предстояло уехать через несколько дней, поэтому я задалась вопросом, к чему эти слова.

"Забудь!".

Я также воздержалась от того, чтобы сказать, что он выглядел усталым, потому что это годовщина его отца, и успокоить его, чтобы он не волновался слишком сильно.

"... Хорошо." Сениэль подчинился без вопросов. Затем он опустил веки, взял небольшой кусочек салата и спокойно положил его в рот.

Это был последний укус Сениэля.

Как удушающе и изнуряюще. Я тоже закончила трапезу, запив ее водой.

За пределами столовой Сениэль терпеливо ждал меня. Сделав длинный вдох, я решила дать ему и себе утешение.

"Не хотите ли пожать руку?"

Я неожиданно протянула руку перед ним, и он посмотрел на мою ладонь, как вчера. Затем он тоже протянул свою руку.

"Давайте будем стараться изо всех сил, чтобы выжить". Возможно, слово "выжить" было лучшим утешением для нас.

Сениэль облизал губы, как будто хотел что-то сказать.

Он пытался ответить мне?

Я ожидала простого ответа вроде: "Да, будем стремиться". Но он превзошел мои ожидания, когда его красивые губы снова сомкнулись. Что он собирался сказать?

Я хотела спросить, но мне было неинтересно. Поэтому я решила пропустить это мимо ушей.

Отпустив его, я напомнила ему о своей утренней просьбе. "Помнишь, что я сказала сегодня утром? Я просила тебя сохранять спокойствие и не выходить на улицу".

"Да".

Быстро ответив, Сениэль еще больше опустил брови. Его взгляд говорил о том, что он не уверен, что это все, что ему нужно сделать.

"Это все, что ты должен сделать, хорошо?"

"... Да."

Хороший ответ.

Он все еще не мог отвести от меня взгляд, как будто хотел что-то сказать. Но в конце концов, никаких слов от него не последовало.

Я была одета в пижаму-водолазку с различными предметами самообороны, прикрепленными к

поясу. Со стороны их не было видно. Похлопав себя по животу, где находились предметы самообороны, я подняла подушку. Я убедилась, что милый шокер был на месте.

'Стоит попробовать, даже если мой враг - Малыш'.

Я планировала напасть на Малыша с шокером, выпить зелье для бега и убежать на полной скорости. У меня был небольшой шанс на победу, если я убегу на лошади в особняк. Вообще-то, я не знала, как ездить на лошади, но разве не получится, если я сяду на нее и буду держаться? Тогда... Мм... Я знала, где находится дом Эзетт, так что стоит ли мне просто бежать прямо к Эзетт?

'Неважно, насколько силен Малыш, главная женская роль так же сильна, как и он'.

У меня не было выбора, кроме как довериться Эзетте.

Любуясь своим идеальным планом, я завернулась в одеяло. Я просто закрыла глаза и молилась. Пожалуйста, не приходи больше сегодня.

- Бах, бах.

Я проснулась от шума и нервно посмотрела на дверь. Даже после долгого ожидания дверь не сдвинулась с места. Грохот исходил не из-за двери, она была в полном порядке.

- Бах, бах.

Странный звук раздался снова. На этот раз он был немного громче, чем в первый раз.

'Звук был такой, как будто по чему-то бьют сразу несколько раз'.

Это было похоже на звук, когда предметы из разных материалов складывают вместе и по ним бьют.

Конец звучал как пианино.

'Что за чертовщина на этот раз?'

Я дрожала под одеялом с заплаканным лицом. Я вспомнила кошмар первого этажа, который едва успела забыть.

Грохот прекратился. Я плотно закрыла глаза. Это только начало.

В ночь, когда луна была высоко, Малыш проснулся. Он нервно взъерошил волосы, как только встал. Его коса упала с кровати.

Полу приподнявшись, он вспомнил, какой сегодня день.

'Ах, этот проклятый день'.

Это был юбилей его отца и день, когда он совершил свое первое убийство. Неудивительно, что он чувствовал себя плохо.

"Я должен был убить его раньше".

С такими сожалениями Малыш встал быстрее, чем обычно. Его настроение портилось все сильнее и сильнее.

Пользуясь своим хорошим ночным зрением, он ходил по комнате без единого огонька. Затем, найдя что-то, он внезапно перестал ходить.

"Сейчас я чувствую себя таким раздраженным. Но кто-то действительно мне встретится?"

Его внимание привлекла фрезия, ярко расцветшая в лунном свете в вазе. Глядя на ярко-желтую фрезью, он почувствовал, что его лихорадит.

Это он заставлял Виви соблазнить Сениэля, поэтому у него не было причин злиться. Но ему это просто не нравилось. Сегодня ему ничего не нравилось ни в этой проклятой комнате, ни в этом проклятом особняке, ни в этом проклятом теле.

Парень открыл дверь и вышел из комнаты. Мысль о том, чтобы выйти на улицу и убить, исчезала. Сегодня у него не было настроения выходить на улицу. Вместо этого, поддавшись импульсу, он решил зайти в комнату, в которой не был уже очень давно.

За закрытой дверью обнаружилась просторная комната с двумя предметами. Там стояло старое пианино и одна кушетка рядом с ним. В комнате без мебели четко прослеживалось желание хозяина ценить только звук пианино.

"Эта комната всегда выглядит как дерьмо".

Малыш постучал ногой по опоре пианино. Темное пианино напомнило ему о том, как его родители наслаждались пианино.

'Я должен был сжечь его тогда'.

Много лет назад Кид пытался сжечь это пианино после убийства своего отца. Однако, кроме пианино, были и другие заботы; в какой-то момент он забыл о нем.

'Что ж, давай сожжем его сейчас'.

Чувствуя себя раздраженным без причины, он открыл крышку клавиатуры. Все белые и черные клавиши были плохо настроены, издавая ужасный звук. Он не знал, кто за ним ухаживал, но оно казалось ухоженным. Несмотря на то, что пианино было расстроено, из него не вылетело ни пылинки.

Малыш еще несколько раз ударил по клавишам вразнобой. Затем он быстро потерял интерес и попытался зажечь огонь спичкой.

Тюк. Прежде чем он развел огонь, в его голове промелькнуло воспоминание.

Кто-то ласково расчесывал его волосы и учил играть на пианино.

'Ух...'

Его лицо ужасно исказилось от теплого чувства, которое он ощутил при воспоминании. Это была не память Малыша. Это была память Сениэля.

Эти двое не могли делиться друг с другом воспоминаниями. Они могли лишь кратко читать воспоминания друг друга, когда испытывали сильные эмоции.

Малыш выплюнул проклятья на неприятное ощущение. Он чувствовал себя грязным. Ему хотелось просто вырвать мозг, который помнил эти вещи. Желание скрыть это воспоминание другими стимулирующими переживаниями разгоралось с новой силой.